

Олеся Коломеец

**ОЛЕСЯ
ИЗ ВЕЩЕГО ЛЕСА**

Цикл стихов и заметок

Олеся Николаевна Коломеец

Олеся из Вещего леса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69222124

SelfPub; 2023

Аннотация

Голосами предков о былом, сегодняшнем и будущем слагаются стихи. О тайнах, что становятся явными, о свете, что непрестанно льется на нас, и о силе в каждом, о силе, которая позволит выстоять и удержать Мир. Не глазами читай – сердцем.

Олеся Коломеец

Олеся из Вещего леса

~

На вершине ты видишь картину целой: исток реки, извилистое русло, океан. Ты видишь лес, луга и стены-горы, возможно, и опасность, от которой они защищают, но также ты видишь и отсутствие опасности. Всё есть часть этой картины жизни, всё на своём месте, всё находится в гармонии, одно перетекает в другое и становится всем. Поднимайся иногда на вершину, смотри, дыши, любуйся пройденным путём. Впереди ещё так много троп.

~

Никто, представляешь, никто во Вселенной не сможет сказать тебе, что ты не прав, не существует правильно – неправильно, существуют лишь разные пути. Где ты на карте жизни? В какую сторону идёшь? Есть только это утро, ты и твой выбор, какой сегодня ты узор совьешь?

~

Я не обольщаюсь, что это скоро закончится. Каждый день просыпаюсь с войной внутри: каждый день обороняюсь, кутаюсь в латы, держу оружие наготове, вижу врага в любом, готова глотку грызть за правду. И каждый день скидываю

оружие, обнажаю сердце, выбираю мир, молчу, благодарю:
*"Невозможно победить раз и навсегда, побеждать нужно
ежедневно"*.

~

Он прощал им, в его сердце было столько света, дитя Бога, всегда помнил своего отца, нёс его истину, не искушался, последний из подобных себе, кто сменил мерность, унося с собой своё тело.

Как сладок плод, как хочется вкусить запретного, как манит дрёма, забвение.

Бог? Я сам – Бог, Властитель, Повелитель, Искуситель! Я на вершине мира, все подо мной, я – сама вершина, сам свет, когда у подножия рабы мои – мрак и туман. Какой обман! Да, плод очень, очень сладок.

Ты ещё не разгадал эту загадку?

~

Выходи из матрицы, в мир высоких вибраций, в поле энергий, пространство эфира, из иллюзий ума – в тело. Тело твоё – сокровище, мощное, тело твоё – космическая станция, сгусток вибраций. Побудь в теле, поживи в нём, зажги своё солнце внутренним огнём. Исцели себя, здесь другой не поможет, излечи себя – твоё тело может.

~

Ну чего ты боишься, милая, смерти? Не ты ли тысячи раз сменяла мерность, крутя колесо Сансары? Не ты ли шуйцей

держала Шамбалу, десницей – Агартти? Ну чего ты боишься, родная, боли? Ты сама её создала, когда разделила море, когда обозначила границы тела, когда извергалась пеплом, когда рожала Вселенную. Всё это тлен – смерть, боль, людской страх. Ты на сцене, играй, это последний акт.

~

Мы тогда уходили, оставив всё, у нас не было возможности что-либо взять, но мы взяли с собой воспоминания, мы упаковали песни, звуки, сказы и стихи, запечатали их в языке и пели. Мы пели, и водили хороводы, и сказывали сказы: из поколения в поколение, от предков – потомкам, от Бога – Человеку, от Бога – людине, от Бога – нелюдям. Мы пели и сегодня мы слышим песню от них, она возвращается – от нелюдей, от людей, от Человека. Песня жизни поется всегда, ветра подхватывают её и доносят до Бога. И сегодня он слышит её мотив. И подпевает.

~

Открылись звёздные врата, открылись, в пространство солнечных лучей мы устремились, в обитель света и любви, где всё так просто, причалили на берег любви, на дивный остров. Буяном звали мы его и Китеж-градом, из сказок знаем мы о нём, из снов-загадок. Единственный земной наш дом, его ты знаешь, увидев раз, ты на любой другой не променяешь.

~

Мир рушится, а что, если разрушимся и мы? Кто доиграет нашу мелодию любви? Кто обуздает наши корабли – драккары викингов, ладьи великих русов – и поведет их к берегам святой земли?

А что, если и мы начнём уничтожать, и разрушать подобно урагану? Найдется ли шаман, кто остановит нас, кто одурманит нас волшебным звуком бубна и варгана?

Земля в огне, а что, если во гневе мы сгорим, любви предпочитая боль и муку? Не надо слов, запомни, чтобы нас сберечь, просто возьми меня за руку.

~

Помни, милая, урожай соберёшь по осени, что по весне посадишь: тяжёлые мысли к звездам не пустят, сломанные крылья небо не встретят, закрытое сердце покроется инеем. Ты не жди расплату острую, как лёд, апусти награду сладкую, как мёд.

~

Я никогда не знала, каким будет новый мир, лишь предвкушала, ощущала кончиками пальцев. Я научилась не принимать за чистую монету, но и не обесценивать, признавать важность былого. Было, но прошло, времени помело всё прибрало, всё по местам расставило. Я научилась выходить из темного и душного чулана прошлого на свет, понимая, что

в нём больше жизни нет. Училась легкости и смелости, училась быть самым светом. Училась держать баланс, принимая противоположности.

О том, что всё правильно, мы узнаем потом. Сейчас самое главное – это удержаться. А прочнее всего мы стоим на земле. На огромной прочной земной тверди. Почувствуй эту мощь! Эту вибрацию под своими ногами! Всё она выдерживала, и обрушение старого мира выдержит. Новый мир про то, как стоять на земле, соединяясь напрямую с космосом. Солнце-ядро под тобой, солнце-светило над тобой. И посередине тоже солнце – ты.

~

Слово моё сильно. Иногда я беру его, как глину, долго смотрю, прицениваюсь, и только потом – ваяю. Слово, как аскезу, беру испытанием, преодолением бывает. Порой слово для меня – инструмент, так плотник вырезает долотом столешницу и шкафа дверцу. А иногда я использую слово, как пулю, цель которой – самое сердце.

~

От тишины закладывало уши, Бог меня слушал, внимал каждой моей мысли, немислимо. Я хотела спросить о самом важном, но слова не имели смысла. Самым важным всегда оставалась жизнь. Та, в которой я училась, закрывая глаза, смотреть в самую суть, поднимать со дна сокровища и муть, присваивать себе свои жемчужины, выбирать свою

стаю и свой путь, жизнь, где всего достаточно, а не чуть-чуть, жизнь, где тебя распирает от счастья и тебе опять не уснуть. Жизнь с огромным счастьем и горькими слезами, Бог смотрит на эту жизнь моими глазами.

~

Пересуды, перетолки, ссоры, склоки, кривые толки – столько чужого и лишнего. Мы хотим вернуть всё назад, повернуть реку вспять, будущее на прошлое поменять, подожди, почекай, ми вже інші.

Не покинул нас Бог, не предал, всё это время рядом стоял и молчал, всё смотрел, настоящий ли ты? И если ты промолчишь, не ответишь тому, кто и не враг тебе, это будешь уже не ты, это будет Бог в тебе, завжди.

~

Боги вложили в её слова рифму, образами наполнили: так полноводная река мирно текла, заполняя собой русло; так звучала капель поутру, с песней звездных галактик сливаясь; так червона зарница сей день начала, на века с темной ночью прощаясь.

~

– Дед Слава, а кем ты работал, когда был молодым?

– Спасателем.

– Кого спасал?

– Души спасал, от погибели, от забвения.

– А теперь не спасаешь?

– А теперь не спасаю. Упразднили мою должность. Теперь

каждый спасает себя сам.

~

Прощай, старый мир, ты случился каким случился; уплывающая на спинах китов, ты эпоху с собой уносил; невозможно прекрасный и чрезмерно жестокий, многих ты покарал, но кого-то простил.

В вихре нового лета о тебе и не вспомним, ойкумену расширим до галактик и звёзд; ночь прошла, и рассвет мы встречаем другими: с Богом в сердце, со светом и полные грёз.

~

Когда вместо проторенной дороги увидишь ты развязку горных троп, когда палитру двух цветов разбавишь буйством красок, когда узрешь в океане ты мириады капель, а на рисунке жизни вместишь да не один узор, ты выдохнешь, и станешь чуть живее, и вступишь в сердце вместе с Богом абсолютно всё.

~

Здравствуйтесь, горы. Я пришла к вам пустая – без счастья, без горя. Пришла наполниться тишиной и безмолвием – в вашей обители этого вдоволь. Только шум ветра да крик орла высоко, только завет да шёпот предков внутри глубоко. Здравствуйтесь, горы. Я на время: найти ориентир и опору, постоять на вершине немного, свысока посмотреть на жизни дорогу, по которой иду и в счастье, и в горе. Здравствуйтесь, горы.

~

На Остару ко мне Мудрая Ма приходила, в светлую половину баловала, одаривала меня, в тёмную – говорила. Говорила из глубин памяти, из недр земли, голосами предков: про переход, что вот-вот грядёт, про новый мир, в котором всё будет иным, говорила прощаться со старым, играючи, с любовью прощаться – кушать, что любишь кушать, играть в свои любимые игрушки, но потом отпустить всё без слез, без сожалений и обид. Кто не сможет – не пройдёт. Ничего из старого мира в новом не нужно, только любовь. Смеялась. Старая, старая, лёгкая, лёгкая. Я молодая, но рядом с ней чувствовала себя такой тяжелой, к земле приросшей, Ма сказала, что это кокон, из него я вылуплюсь и полечу к солнцу. Когда все полетят, новый мир и наступит. Сказала ничего не бояться, всё, что нужно, уже есть во мне, всё, что нужно, уже есть в каждом. Ма обещала, что будет рядом со своими детьми. Я ей верю.

~

Война закончилась вмиг, по щелчку пальцев, планы полетели в тартарары, автоматы – в канаву, славные бойцы – что тут говорить – воевали на славу.

Война закончилась враз, без поражений и без победы, так бывает только в детстве, когда мама позвала обедать.

~

Весна дурманила голову, ароматами трав кружила, ведьма зеленоглазая зелий сладостных в чаши всем незаметно под-

лила; окна протерла, солнце впустила, землю коврами цветочными застелила; дыханьем согрела и льды растопила, ручки по дорожкам и тропам пустила.

Колдунья, волшебница, жизни царица – весна наступила в суровой столице.

~

Хранитель встречается с Архангелом: первый опускает фонарь, второй – огненный меч, соратники молчат, делятся образами, минутная передышка в вечной битве – гора с плеч.

Работы много, этот рубеж проходят единицы, но норовят все – лезут и черти, и блудницы. Хранитель встает, Архангел поднимается следом, короткая встреча и снова в бой – на стражу Конов и света.

~

Глупо, приходя на свалку, ожидать благоухания трав, сложно признавать, что ты не прав, ещё сложнее идти в страх, неся свою искалеченную жизнь на руках.

Непризнанные друзья – почти враги, подавленные слабости – грехи, смерть следит за всеми из-за небесных врат: кто не спрятался – я не виноват.

~

И смеялись ангелы, и смеялись демоны, и братались они за моей спиной, я была обманута, ибо хотела быть обманутой, потому что ангелы и демоны – суть одно.

~

– Всё неправильно, – говорю.

– Измени, сделай так, как должно.

– Я хотела сегодня летать, но пока это невозможно.

– Сделай маленький шаг, простой, из того, что тебе по силам, из таких собирается путь, тонкий луч гиганта светила.

~

Я заканчиваю войну внутри себя, Бог заканчивает снаружи. Три пропущенных удара сердца, глубокий вдох – пережить бы последний месяц стужи. На смену смерти приходит жизнь, так было всегда, и сейчас она в дверь стучится. Заварю ей чай, расскажу ей сны, расскажу почему не спится. Жизнь всегда побеждала смерть, испокон веков так сложилось: у неё в закромах весна, что-то нежное притаилось.

~

Говорят, вольному – воля, я иду и смеюсь: по ромашковому полю, по густой и сочной влажной траве, по горной тропе, по спелой ниве.

Уже и не помню, когда мне было так хорошо и легко, когда с каждым шагом ты всё ближе к тому, чтоб взлететь – ах, это забытое чувство полета – его из памяти не стереть.

Летать! Три широких шага, прыжок – здравствуй, небо – моя стихия, мой дом, моё раздолье. Спасённому – рай, вольному – воля.

~

Приходили разные – не сравнить, не измерить одним аршином, гостили, оставались навсегда, возвращались на свои вершины.

Сильные, слабые, покалеченные, пустые – всех повидала, всех испытала, всем простила. Смеялись, но чаще плакали, руки к небу в слезах простирали, а в счастье не помнили, не славили, всё себе его, "щедрые", оставляли.

Мирные, падшие, добрые, жадные – всякие на Земле жили, на государства, религии, нации всю её, глупые, разделили.

~

Никогда не найти здесь дома – на этой планете скитанья, он в памяти духа и рода – в галактиках мироздания. Тоскует душа по дому, тоскует по миру света, найти бы его в сердце, найти бы его где-то.

~

Борейские ветра на крыльях своих принесут не только весну, в этот раз они принесут новый мир, возродят былое. Белое море пробудится ото сна, подо льдами всплывут города, ты ещё не видал такого. Ты лишь чувствовал, глядя на образы дивных картин, как прекрасна быть может граница, как величествен дух тех далёких краёв, тех морей, и того, что случится. У борейских ветров не бывает оков, только воля богов и сила, подготовь свою душу для новых даров, что Арктида веками хранила.

~

– Что за светляки зимой?

– Это не светляки, майор, это странная ведьма с фонарем, давно сидит тут на обочине, говорит, ждёт своих, подсвечи-

вает им.

– Здесь никто не пройдёт, это наша земля, скажите, чтоб уходила.

– А она не с дороги ждёт своих, говорит, ждёт из ада. Тем, кто приходит из ада, особенно нужен свет.

~

Так кричала стая Акки с горы Кебнекайсе: спасайся.

Так звучали стоны береговой дуги: беги.

Так маяковали всполохи утренней зари: замри.

Так шептали голоса моей души: дыши.

~

Ярость бурлящей лавой через жерло вулкана выпускаю, боль людскую пережигая, раны солью океанов и морей засыпаю, души детей своих горными ручьями, как слезами, очищаю, всё прощаю им, всё прощаю.

Шёпотом ветров читаю молитву, глядя на эту битву, ставлю крест по четырём сторонам света,

ещё ваша Земля, ещё ваша планета.

~

Я помню время, когда деревья были большими, огромный лес и Бога в нём, я помню время, когда мы не спешили и просто жили каждым днём.

~

Когда Хранитель времени с фонарем в руке вступает во мрак, он не ожидает приветствий и похвал, он ищет знак. Помнит он, что на контрасте со светом мрак становится ещё

темней, вместилищем нечести, нелюдей, теней. Хранитель подносит фонарь к лицу, смотрит в глаза, ищет Человека, как давно он его не встречал, более полувека. Благородное дело – искать своих, по свету глаз, по отпечаткам дел, Хранитель ищет, не отступает, среди стариков, среди детей, что явишь ему ты, когда он придёт к тебе?

~

Брат на брата, сын на отца, свод небесный опустился на землю, разная правда, а боль одна, которую всё больше терпим. Позволить другому быть другим, позволить себе быть собою: ещё одна жизнь, один шанс, один миг, дарованный мне судьбою.

~

Время говорить прошло, сейчас время молчать, слушать удары сердца (совпадают ли они с ритмом земли?), смотреть внутрь. Где-то там глубоко посажено семечко новой жизни, нужно направить туда своё внимание и взрастить его. Если смотреть, всегда увидишь. Я вижу могучий дуб, в тени его ветвей можно укрыться в полуденный зной. Посиди со мной. Здесь, на перекрёстке всех миров, здесь, в луговых травах вечности, здесь, где грусть переплетается с счастьем и становится покоем. Предки держат корнями, дети тянутся ветвями, я стою. Стою ещё один круг жизни.

~

Рано или поздно чары развеются, но что увидим мы, сын, когда спадет этот морок? Строили мы мосты или возводили

стены, что увидят дети твои, когда придёт их срок? Будет ли им стыдно за нас, нерадивых, или будут нас славить они на века? У меня нет ответов, одни лишь вопросы, всё покажет времени река. Я ношу тяжёлые камни, для моста они иль для стены? Где та мера, которой измерить все поступки мои и мечты? Я уже совершала ошибки, совершала их тысячи лет, всё равно я надеюсь на чудо, хотя все говорят – его нет. Что увидим мы, сын, что пожнем мы? Для кого-то давно не секрет. Лишь читающим жизни былины открывается жизни ответ.

~

Она пришла, сотканная из света, и преобразилась – облачилась в земные одежды. Волосы, будто порхающие крылья бабочек, спали каштановым каскадом, глаза-кристаллы засверкали зеленым отливом. Она поприветствовала стихии: вспыхнуло ярче солнце, затрепетали кроны деревьев, зажурчали ручьи, земля обдала ароматом трав и цветов. Она пожала руки, обняла, улыбнулась каждому и всему миру. Пространство наполнилось любовью: так богиня преобразилась в женщину, первую женщину моего рода

~

Уменьшая пропасть между собой и Богом, я увеличивал пропасть между собой и людьми. Я не хотел, но, зачастую дорога оказывалась меньше самого пути. Я шёл по степям, по бурелому, я шёл ночами, я шёл один, я шел неспешно и быстрым шагом, среди развалин и вечных льдин. Я не роп-

тал, я был смиренным, не ведал милости, не ждал наград, и на рассвете я встретил Бога, а он отправил меня назад. Иди, сказал, обратно к людям, ищи меня в глазах других, в природе, в детях, в доме, в книге, в быту, в молитве, в делах мирских.

~

Как изменился мир, смотри, мы уже другие. Сколько пространства для жизни, нового, светлого, неизведанного. Всё по-другому, кто-то там на небе как-то по-другому вращает колесо жизни: по-другому светит солнце, плывут облака, сковывает мороз. Замираю в ожидании.

Смотрящий видит. Чувствующий чувствует. Спящий спит.

~

Просыпается ведьма во мне: ведущая, знающая, ступающая босая по мху, по городскому асфальту. Всё ей по плечу. Что по нраву – собирает в корзину души: там и камни, и сухоцветы, и платье цвета морской волны. Волосы расплетает, опавшие лепестки цветков вишни вплетает в маршруты дня, идёт по городу среди людей, но всегда одна. Знает многое, молчит, держит поле своей глубиной, закрывает на миг глаза, мчит в другие галактики, в северные леса, возвращается с подарками – в руках черника и бирюза.

Мир так устроен: нужно давать и брать. Закон равновесия такой: не получится хлопать одной рукой. Иногда ведьма томится: берет многое, ничего не отдавая взамен, но потом

вспоминает, что держит поле своей тишиной, на весах к хаосу добавляет покой, выдыхает и спокойно засыпает собой.

Городской ведьме тоже ведомо многое, как и её лесной сестре, с ней говорят улицы и дома, подмигивают окна, ветер приносит обрывки фраз, звенят колокола. В каждом послании смыслы, загадки, ответы, знаки судьбы: слушай – не слушай, в городе ты не найдёшь тишины. Град переполнен звуками, град звучит, ведьма внимает ему и мчит: на самокате навстречу ветру, волосы распустив, по параллелям и встречным своего пути.

На перекрестке линий толпа и куча зевак, где не узреть ничего – для неё новый знак.

~

Маски более не под силу: слишком искусственны, слишком тяжелы; мы стали прозрачными, почти невесомыми, мы – более не мы. Остро ощущается всё ненастоящее, больно отзывается старая броня, в запотевшем зеркале кто-то отражается, если присмотреться – я уже не я. Самости не терпится сбросить шелуху, облететь окрестности, обогнуть пургу; самости так хочется слиться с пустотой и без лишних образов стать самой собой.

~

Ну что я могу ему сказать? Что Бог существует, что он внутри? Сказать: останови мысли, закрой глаза и смотри. Не мне учить его, где искать Бога. Может его Бог не внутри, может его Бог – дорога, по обеим сторонам которой растут

ели. Может его Бог – небо с облаками из ваты, из которых приходят метели. Может, Бог его – это развилки, которых обязательно три.

И дорога, по обоим сторонам которой растут ели, и небо с облаками из ваты, из которых приходят метели, и развилки, которых обязательно три: я закрываю глаза и смотрю – мой Бог внутри.

~

Мне надоела эта война, я скидываю оружие, снимаю доспехи. Мне не нужна ни вечная слава, ни жалкая пародия успеха. Какой глупостью было снова поддаться вере, что эта война уж точно что-то изменит. Как жаль потерянного времени, и тех, кто всё ещё верит. Я уходил, как от огня уносил оттуда ноги, покуда есть ещё куда идти, покуда с нами родные Боги. Мне что-то кричали в спину, а я уходил стремительно. И Боги смеялись при этом, и смех их был так заразителен.

~

Что я сделать могу, чтоб уменьшить этот крошечный ад? Отвоюй у него кусочек земли, посади там из яблонь сад. Где темно, обязательно на контрасте свет, а в саду этом можно встречать не один рассвет. Сколотить из доски и лавку, и прочный стол, посадить за него друзей, посадить врагов. Напоить всех чаем из диких трав, исцелить всех разом от горьких травм. Там, где ты – там свет, там любовь и лад, тень дубов, и дом, и из яблонь сад.

~

Лети, моя птица, – расправь свои крылья – на север, ко правде, в родную столицу. Видала ли там знакомые лица? Плескалась ли там в холодной водиче? А мне не напиться, здесь не напиться. А мне за тобою на север сгодиться?

~

Отгорел костёр осени, отгорел, теперь остался только тот, который у тебя внутри – следи за его пламенем, следи. Его хотят задуть ветра зимы: зима про смерть, про остановку, про лёд, сковавший всё вокруг, и трещинами тянущийся прямо к сердцу, а мрак, и грусть всегда не к месту, и где-то далеко твой верный друг. У осени последняя глава, всегда таинственна, всегда туманна, полна надежды и обмана – и на бумаге лишь одни слова. Под толщей снега гаснет лист, вчера он был ещё багровым, а по весне он станет новым – так пишет пьесу сценарист. Закат у осени, на сцене – тень, в защитниках – родные Леги, и на запястье обереги, и в сердце вера в новый день.

~

Далекая прекрасная страна, из прошлого, из сна, как наваженье,

Мне всюду видится она, сынов и дочерей Богов великое творенье.

Врата в неё в наших сердцах, ключи запрятаны во сказах и былинах,

В речах серебрябродого отца, в напевах, рунах и затерян-

НЫХ СВЯТЫНЯХ.

Я вижу этот прошлый мир, народ с земель Ророга и Орея,
И славный город солнца их во храмах и садах – Великая
Гиперборея.

~

Плачь, плачь, моя хорошая, – в моих силах остановить лавину ненависти, переплавить свинец в золото, иссушить болото, в котором не один из нас погряз и не раз. Я тебе сестра, прими всё, что у меня есть – моё живое сердце и мои объятия, поделись своей болью, мы вплетем её нитью в узорчатый плед, и до следующей осени распустим, сожжем нити в костре Мабона, переродимся, продолжимся новым. Помни, знай, ты не одна, я сестра тебе, как в поле ржи травинка к травинке. Плачь, плачь, моя хорошая, моя женщина, моя жінка.

~

Осень обнимает золотом, янтарем, обволакивает коконом из шерсти, за окном сгустились сумерки (хотя ещё нет и шести), время одиночества и грусти.

~

Страх приходит тихо. Незаметно пробирается под одежду, заползает в мысли, проникает в сердце. Только сидела, думав о постороннем, и вот ты в его тисках. Паскуда, сволочь. Сколько жизни моей сожрал. Сколько лжи обрисовал, окаянный. Скольких умертвил в моей голове.

Становлюсь мудрее, не лыком шита. Повесила ему на шею колокольчик. Теперь я знаю о приближении врага, знаю

его повадки, поступь. Бороться с ним невозможно, но облачиться в доспехи – вполне. Ты видишь врага, чувствуешь его могильный запах, но в себя не пускаешь. Пусть бродит, пусть бродит. Побродит да уйдет. Вот только доспехи придется снять, они и хорошее не пропускают.

~

На этой планете я странствовал.

Я окунался в море, и оно омывало мои ступни, усыпало кристаллами соли и песка, забирало все невыплаканные слезы. Я поднимался на вершину горы и Бог становился моим соседом, внимал моим безмолвным речам и так же тихо отвечал. Я заходил на восточный базар и вмиг становился его частью: звенел браслетами, вдыхал аромат табака и благовоний, вплетал встречи своей жизни в узоры ярких ковров.

На этой планете я творил. Погружал руки в мягкую глину и ваял кувшин. Сажал маленькое семечко в землю и наслаждался вкусом ароматной дыни некоторое время спустя.

На этой планете я любил. Женщину, друга, ребенка.

На этой планете я мечтал, плакал, молился.

На этой планете я заходил в тупики. Я злился. Ненавидел. Познавал страхи и боролся с демонами.

На этой планете в череде многих воплощений я жил.

~

Идет война, долгие, долгие года. Ты еще не родилась, когда она началась. Мать и отец твои не родились, деды не родились, и предки дальние. Что мы знаем о той войне? Да ни-

чего не знаем мы.

Мороком давно покрыта Земля, хотя и не Земля она во-
все, а Мидгард. И всё что знаешь ты – кривда. А Правду, а
про Правь, где Боги живут, ничего не знаешь ты, и про Св-
аргу небесную ничего не знаешь ты, и про пращура Рода. А
меж тем он породил всё явное и неявное, всё, что вращает
колесо года. И жизнь породил, и Рода, и предков твоих даль-
них, и дедов твоих, и отца и мать твоих, и тебя самого. Всё ты
знаешь, всё, кроме одного, да самого главного: жизнь твоя у
тебя в руках, жизнь твоя в Родных Богах, в предках твоих,
в твоих корнях. Славь родных Богов, славь предков своих,
живи по Кону, избегай дурного.

Идет война, долгие, долгие года, уж близок конец той вой-
ны, морок спадает, ночь отступает, рассвет Сварога наступа-
ет.

~

Сейчас вершится тот самый праведный суд: с каждого
спрашивают. И с меня спрашивают. Судей никаких нет и ка-
рателей никаких нет. Только тихий голос внутри каждого.
Сами себя спрашиваем. Сами себе отвечаем. Очень тихий
суд. Слышно на всю планету.

~

Он смотрел сквозь стены, сквозь душу, сквозь миры,
В кармане держал вечность на одной связке с ключами,
Постукивал костяшками пальцев по двери,
Но входил без стука – отчаянный.

Он говорил громко, четко, истинно,
Но молчал еще громче своим присутствием.
В его тени тени не смели расти,
В его взгляде сгущались краски буйства.

Один на один с собой, непонятый,
Еще больше непонятный для окружения.
Один на один, с кем идти?
С кем познавать радость движенья?

Кругом темнота, люди с погасшей душой,
Мелкие, на мелководе душно.
Будить? Зажигать? Плечо подставлять?
И вести за собой послушно?

Пробовал – у него за пазухой вечность,
Нервы стальные и прочный запас терпения.
Про таких говорят – «столп»,
Он гранит, он Земли творенье.

Он смотрел сквозь будни, правила, рамки,
В глубину изначальности свой взгляд направляя,
Он ходил и кругом зажигались огни,
Он менял этот мир, ничего не меняя.